

Ло Миню стало чуть легче на душе, но он не знал, что сказать дальше, и лишь растерянно смотрел на светотени на потолке.

Лин Цзыхань проявил участие: подошёл, налил стакан воды, вставил соломинку и поднёс ко рту Ло Миня.

Тот молча отпил, но по-прежнему хранил молчание.

Лин Цзыхань тихо предложил: «Позвать врача? Сделает обезболивающее».

Ло Минь слегка покачал головой: «Вытерплю. Ничего».

Лин Цзыхань не стал настаивать, просто сидел у кровати, не отходя.

Прошло довольно много времени, прежде чем Ло Минь тихо проговорил: «Сяо Цю... Когда Муша приехал в Сило, кто-то передал через него мне слова. Ты знаешь того, кто просил передать?»

Лин Цзыхань на мгновение заколебался, но ответил: «Знаю».

«Он... правда в порядке?» — Ло Минь смотрел в потолок, голос был едва слышен.

Лин Цзыхань твёрдо подтвердил: «Да. В порядке».

Но Ло Минь, казалось, вспоминал что-то давно минувшее, и его слова полились тихо: «Ты и Муша так говорите... Раньше, после того случая, он тоже мне так говорил. И я поверил. Но... теперь-то я понимаю... Такое... Даже я с трудом выношу. А он ведь был всего лишь ребёнком...»

Лин Цзыхань внутренне содрогнулся. Такое поведение Ло Миня было крайне ненормальным. В их профессии все знали правило молчания — о многом не спрашивают, а уж тем более не говорят. Сейчас Ло Минь выглядел спокойным, но он вытаскивал наружу то, что должно было быть навеки похоронено. Это была серьёзнейшая ошибка. Если он останется в таком состоянии, в этом змеином логове обязательно допустит оплошность, поставив под угрозу безопасность всех. Даже если не выдаст себя, вряд ли сможет продолжать работу. Для страны это будет огромной потерей, да и его самого ждёт смертельная опасность.

Взвесив всё, Лин Цзыхань решился на риск — открыть правду, чтобы вернуть Ло Миня в нормальное состояние.

Ночь была тиха. Лин Цзыхань протянул руку и мягко прикрыл Ло Миню рот, затем наклонился к самому его уху и тихо, очень тихо позвал: «Братец...»

Голос был типичным для мальчика на пороге взросления — немного высоковатый, с протяжными интонациями и лёгкой дрожью, звучащий робко, неуверенно, растерянно и вызывающий жалость. То был голос семнадцатилетнего Цюй Яня.

Ло Минь вздрогнул всем телом, и его спутанное сознание внезапно прояснилось. Он перевёл взгляд на слегка приподнявшегося над ним Лин Цзыханя. На том лице, столь непохожем на заурядные черты Цюй Яня, играла лёгкая улыбка, а в тёмных, блестящих глазах появилась влажная мягкость.

Лин Цзыхань улыбнулся и убрал руку.

Ло Минь приоткрыл рот и лишь спустя несколько мгновений вопросительно, шёпотом

выдохнул: «А-Янь?..»

Лин Цзыхань слегка кивнул, но сказал: «Сейчас я — Сяо Цю. Не ошибайся».

Теперь он говорил голосом Е Цю — низким, твёрдым, не допускающим возражений. Каждое слово звучало чётко, отрывисто, обрываясь резко, что придавало речи зрелость и жёсткость.

Если бы он сам не сказал, никто бы не догадался, что эти два совершенно разных человека — один и тот же исполнитель.

Волна безумной радости захлестнула всё тело Ло Миня, и даже острая боль, и гнетущее чувство унижения отступили куда-то. Не думая, он протянул руку к Лин Цзыханю, но тут же дёрнулся от боли в простреленном плече и слабо застонал.

Лин Цзыхань поспешно принял его руку, осторожно уложил обратно, поправил тонкое одеяло и тихо рассмеялся: «Вот, сам видишь — я и вправду в порядке».

Ло Минь тоже улыбнулся, не отрывая от него глаз.

Увидев на его лице вновь появившуюся тёплую, светлую улыбку, Лин Цзыхань почувствовал, как с души сваливается тяжёлый камень, и наконец обрёл покой.

Спустя некоторое время Ло Минь тихо позвал: «Сяо Цю, иди сюда».

Лин Цзыхань покачал головой: «Ты же весь изранен».

Но Ло Минь с детским упрямством настаивал: «Я просто... хочу убедиться, что это действительно ты».

Лин Цзыхань сдался, обошёл кровать и осторожно прилёг с левой стороны.

Ло Минь поднял не повреждённую левую руку, нащупал его талию, мягко положил ладонь, а затем сжал пальцы.

Лин Цзыхань не шевелился.

Долгое время спустя Ло Минь наконец рассмеялся: «Крепче стал, чем раньше».

Лин Цзыхань тихо усмехнулся: «Тогда я был ранен, а сейчас — нет».

«Угу», — Ло Минь с удовлетворением выдохнул. «Теперь я спокоен».

Но Лин Цзыхань наклонился к его уху и тихо сказал: «Сейчас беспокоиться нужно о тебе. Ты должен быстро поправиться и убраться отсюда. Понял?»

«Знаю», — в голосе Ло Миня прозвучала лёгкая неохота. «Так хочется остаться с вами...»

Лин Цзыхань не удержался и сжал его руку, а спустя мгновение произнёс: «Я тобой восхищаюсь».

Ло Минь смутился: «Нет-нет, это я тобой восхищаюсь. Я-то ничего особенного не делал, самая опасная работа — на вас».

«Ошибаешься. Твоя работа — самая опасная», — тайком прошептал Лин Цзыхань. «Мы

действуем в тени, а ты — открытая мишень. С твоим-то нынешним статусом: враги в преступном мире, политические соперники Чжоу Юя, да ещё американцы с японцами, которым вы всё время мешаете, — все только и ждут, чтобы тебя убрать. А если твоя настоящая личность раскроется, Ли Юань и Чжоу Юй тебя тоже не пощадят. Ты живёшь в опасности каждое мгновение, быть может, всю жизнь. Поэтому я тобой искренне восхищаюсь».

Его длинные, сильные пальцы сжали руку Ло Миня, и тому стало тепло на душе. Он счастливо улыбнулся: «Да ничего особенного, в общем-то. Я просто решил, что с рождения был Ло Минем, — вот и живу естественно».

Лин Цзыхань улыбнулся и с заботой сказал: «Ложись спать. Это поможет ранам быстрее зажить».

«Угу», — Ло Минь закрыл глаза.

Лин Цзыхань подождал немного, отпустил его руку и собрался встать.

Но Ло Минь вдруг ухватился за неё и проговорил: «Сяо Цю... Я жалею. О том, что тогда, в ту ночь... не согласился».

Лин Цзыхань замер, а спустя мгновение сообразил, о чём тот, и рассмеялся: «Я тогда был слишком молод и глуп, думал, что в этом нет ничего особенного, вот и болтал что попало. Ты не обращай внимания. Отказал ты правильно, я теперь таких глупостей никогда не скажу».

Ло Минь, кажется, что-то уловил. Он открыл глаза и с лёгкой насмешкой спросил: «А что? Появился кто-то?»

Лин Цзыхань улыбнулся и кивнул: «Угу».

Ло Минь оживился: «Правда? Из... наших?»

Лин Цзыхань покачал головой: «Нет. Он в ВВС, лётчик».

«О? Здорово!» — Ло Минь искренне обрадовался за него. «Похоже, у вас всё серьёзно?»

«Нормально», — спокойно ответил Лин Цзыхань. «Мы с детства вместе, всё привычно. Так что дальше всё развивалось само собой».

Тело Ло Миня было очень слабым, и несколько волн эмоций окончательно его истощили.

Лин Цзыхань тут же заметил его усталость, приложил палец к его губам и твёрдо сказал: «Тебе правда нужно спать».

Ло Минь счастливо посмотрел на него и кивнул.

Лин Цзыхань поднялся с кровати, подумал и всё же напомнил: «Сейчас я — Сяо Цю».

Ло Минь серьёзно ответил: «Знаю. Не волнуйся, не перепутаю».

Когда тот снова погрузился в глубокий сон, за окном уже занималась заря.

Лин Цзыхань подошёл к окну, задернул шторы, молча сел, глубоко вдохнул и медленно выдохнул. На его лицо вновь вернулись ледяная холодность и грозная решимость.

К полудню у Ло Миня поднялась температура, сознание помутилось. Врачи вкололи сильный антибиотик, и лишь к вечеру жар спал.

Лин Цзыхань не отходил от виллы, но и держался холодно и молчаливо: не расспрашивал врачей о состоянии больного, за самим Ло Минем почти не ухаживал — в общем, вёл себя так, будто волнуется, но не знает, как это проявить.

Эйлин зашла один раз. Лин Цзыхань бросил на неё взгляд, и во взгляде этом не было ничего доброго.

Вэй Тяньюй, смутившись, поспешил извиниться перед Эйлин: «Мадам, насчёт Кана Мина я ему уже говорил. Он в принципе понимает, просто характер у него такой, упрямый. Прошу не сердчайте».

Эйлин кивнула и улыбнулась: «Ничего. Характер Сяо Цю я уже немного изучила — он и вправду милый».

Вэй Тяньюй всё это время сохранял неизменное добродушие, никуда не отлучался и продолжал дежурить на вилле.

<http://bllate.org/book/16287/1468034>